

Антон Павлович Чехов (17.01.1860, Таганрог – 2.07.1904, Баденвайлер, земля Баден-Вюртенберг, Германия) – писатель, драматург. Почетный академик Императорской Академии наук (1900). Учился в таганрогской классической гимназии, затем на медицинском факультете Московского университета.

Литературную деятельность начинал в юмористических журналах «Стрекоза», «Будильник», «Осколки», писал короткие фельетоны для «Петербургской газеты», «Нового времени», «Русских ведомостей». Весной 1886 г. получил письмо от литератора Д.В. Григоровича, где тот укорял Чехова в растрате большого таланта «на мелочишки»: «Голодайте лучше, как мы в свое время голодали, поберегите ваши впечатления для труда обдуманного». Выход «Степи» и «Скучной истории» в толстом журнале «Северный вестник» сделали Чехова по-настоящему известным публике: в октябре 1888 г. за свой сборник «В сумерках» он получил Пушкинскую литературную премию.

Всю свою жизнь А.П. Чехов испытывал тягу к дальним путешествиям – с самого детства его кумирами были Стэнли, Камерон, Пржевальский. Как известно, после поездки на Сахалин 30-летний Чехов вернулся в Россию сложным кружным путем – через Японию, Китай, Филиппины, Сингапур, Индию, Цейлон, Египет и Турцию. Но мало кто знает, что по возвращении он почти сразу начал планировать поездки в Америку, в Японию и Индию – причем надолго. Несколько раз порывался ехать в Австралию и Африку. Ну и, разумеется, неоднократно бывал в Европе.

Первое путешествие в Италию было предпринято Чеховым в марте-апреле 1891 г., всего лишь через несколько месяцев после поездки на Сахалин. Эти два путешествия в сознании Чехова остались неразрывно связанными друг с другом: чуткий с юности к мотивам «Божественной комедии» Данте, он считал Сахалин и Италию своего рода «метафизической парой»: «Ад – Рай». Спутником Чехова в том путешествии был его старший

друг и издатель Алексей Сергеевич Суворин. Маршрут: поездом через Варшаву и Вену в Венецию; затем – Болонья, Флоренция, Рим, Неаполь (с посещением Помпей и восхождением на Везувий), опять Рим, потом – Ницца, Монте-Карло, Париж.

31 марта 1891 г. Чехов приехал с Сувориным в Рим, откуда 3 апреля писал родным:

«Завтра еду в Неаполь. Пожелайте, чтобы я встретился там с красивой русской дамой, по возможности с вдовой или разведенной женой. В путеводителях сказано, что в путешествии по Италии роман непременно условие. Что ж, черт с ним, я на все согласен. Роман, так роман».

4 апреля Чехов выехал в Неаполь, смотрел город, а 6 апреля отправился в Помпеи:

«Вчера я был в Помпее и осматривал ее. Это, как вам известно, римский город, засыпанный в 79 году по Рождеству Христову лавою и пеплом Везувия. Я ходил по улицам сего города и видел дома, храмы, театры, площади... Видел и изумлялся уменью римлян сочетать простоту с удобством и красотою.

(Письмо родным 7 апреля 1891 г.)

После осмотра Помпей Чехов решил подняться к кратеру вулкана Везувий:

«Осмотрев Помпею, завтракал в ресторане, потом решил отправиться на Везувий. Такому решению сильно способствовало выпитое мною отличное красное вино. До подошвы Везувия пришлось ехать верхом. Сегодня по этому случаю у меня в некоторых частях моего брэнного тела такое чувство, как будто я был в третьем отделении и меня там выпороли. Что за мученье взбираться на Везувий! Пепел, горы лавы, застывшие волны расплавленных минералов, кочки и всякая пакость. Делаешь шаг вперед и – полшага назад, подошвам больно, груди тяжело... Идешь, идешь, идешь, а до вершины все еще далеко. Думаешь: не вернуться ли? Но вернуться совестно, на смех поднимут. Восшествие началось в 2 ½ часа и кончилось в 6. Кратер

Везувия имеет несколько сажен в диаметре. Я стоял на краю его и смотрел на него, как в чашку. Почва кругом, покрытая налетом серы, сильно дымит. Из кратера валит белый вонючий дым, летят брызги и раскаленные камни, а под дымом лежит и храпит сатана. Шум довольно смешанный: тут слышится и прибой волн, и гром небесный, и стук рельс, и падение досок. Очень страшно и притом хочется прыгнуть в самое жерло. Я теперь верю в ад. Лава имеет до такой степени высокую температуру, что в ней плавится медная монета. Спускаться так же скверно, как и подниматься. По колена грузнешь в пепле. Я страшно устал. Возвращался назад верхом через дереvушки и мимо дач; пахло великолепно и светила луна...»

(Письмо родным 7 апреля 1891 г.)

24 апреля Чехов с Сувориным снова были в Риме и в тот же день выехали в Ниццу.

В январе 1901 г., когда Чехов лечился в Ницце, у него созрели планы нового далекого путешествия: на корабле вдоль Тирренского побережья Италии и далее – в Северную Африку. Кампанию ему согласились составить русские ученые, живущие тогда в Ницце: социолог Максим Максимович Ковалевский и зоолог, много путешествовавший раньше по островам Индийского и Тихого океана, Алексей Алексеевич Коротнев.

11 января Чехов писал из Ниццы О.Л. Книппер:

«На сих днях, если море не будет так бурно, как теперь, я уезжаю в Африку... В Африке пробуду недолго, недели две».

26 января он писал ей уже более конкретно:

«Ну, дуся моя хорошая, сегодня, по всей вероятности, я уезжаю в Алжир... По слухам, идущим от моих спутников, пробуду я в Алжире недели две, включая сюда и время, которое я потрачу на поездку в Сахару. Из Сахары вернусь я тропически знойным, пыльным адски».

Правда в том же письме возникает и другой вариант путешествия:

«Если, мамуся моя, вечером начнется на море волнение, тогда, повинувшись спутникам своим, поеду не в Алжир, а в Италию, в Неаполь... Но, однако, у меня воспрянул дух мой, люблю я путешествовать. Моя мечта последних дней – поездка на Шпицберген летом или в Соловки».

Реализовался именно второй вариант: Чехов, Ковалевский и Коротнев отправились поездом через Геную в Ливорно, потом посетили Пизу, Флоренцию и Рим. До Неаполя Чехов, увы, не доехал: взволнованный противоречивыми известиями о постановке «Трех сестер» в Московском Художественном театре, он внезапно прекратил вояж и уехал из Рима в Россию.

Сохранились воспоминания М.М. Ковалевского о той, последней поездке Чехова в Италию. Ночью, в поезде, им обоим не спалось, и они разговорились: *«Мне трудно, – сказал Чехов, – задаться мыслью о какой-нибудь продолжительной работе. Как врач, я знаю, что жизнь моя будет коротка». Чехов, в молодости столь жизнерадостный, заражавший своим смехом читателей "Русского курьера", в котором печатались его мелкие рассказы, под влиянием болезни становился все более и более сосредоточенным, но не мрачным. Он без страха смотрел в будущее и не жаловался на свою судьбу, считая ее неотвратимой».*

Несмотря на точное знание о собственном состоянии, в своих последних письмах родственникам и друзьям больной Чехов десятки раз упоминал о том, что хочет отправиться на лечение в Италию: спасительное путешествие в последние месяцы жизни буквально стала его «*idee fixe*» – совсем как поездка в Москву для придуманных им «трех сестер».